

Для цитирования: Акинин К.В. К вопросу о периодизации строительства Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря при Патриархе Никоне (1658-1666 гг.) //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/1_2.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.002

УДК 726.03+72.033+72.034...6+9.94

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА ПРИ ПАТРИАРХЕ НИКОНЕ

(по данным письменных источников)

К.В. Акинин¹

1 г. Москва, Российская Федерация

E-mail: kirill.akinin@mail.ru

Воскресенский собор — монументальный пространственный комплекс, крупнейший из всех православных храмов, выстроенных на историческом пространстве Древней Руси в средневековье (X–XVII вв.), имеющий среди них наиболее сложную объемно-планировочную структуру. Несмотря на последующие периоды разрушения и восстановления, собор до настоящего времени во многом сохранил свой первоначальный облик, сформировавшийся на начальном этапе строительства (1658-1666 гг.), проходившего под руководством Патриарха Никона.

В обширном труде архим. Леонида (Кавелина), посвященном истории Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в XVII в. [1], отсутствует фактическая информация о процессе сооружения Воскресенского собора при Святейшем Никоне. Наличие этой лакуны можно объяснить утратой документов в монастырском архиве, а изучение и публикация источников из других архивов, как и исследования самого здания собора, начались позднее. Впрочем, вопрос детализации истории строительства Воскресенского собора данного периода и в дальнейшем оказался на периферии научных интересов — в ряде работ он не был даже поставлен [2-4] или освещен поверхностно и фрагментарно [5-10].

Зодческие проекты Патриарха Никона имели масштабный замысел и не менее монументальное воплощение. Однако Первосвятитель не был сторонником долгосрочных строительных работ. Так, кремлёвский дворец Патриарха был возведен и в значительной части отделан за четыре года (1652-1656 гг.) [11], огромный собор Иверского монастыря выстроен, благоукрашен и освящен всего через два года после начала строительства (1655-1656 гг.) [12, с. 124], а собор Крестного монастыря, строившийся с конца 1650-х гг. [13, с. 280], был завершён в присутствии Патриарха (во всяком случае — вчерне) всего за один сезон 1660 г. [14, с. 37].

Сжатые сроки реализации столь крупных проектов свидетельствуют о том, что в каждом из перечисленных случаев строительство должно было отличаться продуманностью и последовательностью чередования этапов, когда началу собственно процесса возведения здания предшествовала большая организационная и интеллектуальная работа. В противном случае столь впечатляющих результатов было бы невозможно добиться.

Сохранившиеся источники раскрывают общие принципы организации строительства в монастырях, основанных Патриархом Никоном. Вначале Первосвятитель собирал исходную информацию о месте застройки — в том числе, требовал составления ситуационных планов с детальным обозначением основных элементов топографии [7, с. 31, 35]; затем подготавливалось место, налаживались необходимые производства и каналы поставки, запасались материалы, прибывали квалифицированные мастера и рабочие [7, с. 31-32; 12, с. 123; 13, с. 272-273, 275, 280]. Параллельно Патриарх обдумывал замысел монастырского ансамбля, который на завершающей стадии разработки проекта облекался в форму подробного описания и какого-то визуализирующего материала — «образца», вероятно, в виде схем или чертежей — такая практика зафиксирована в наиболее освещенной источниками истории возведения Иверского монастыря на Валдае [7, с. 32; 12, с. 122].

После завершения подготовительного этапа начиналось строительство каменных соборных храмов, которое, благодаря детальному предварительному планированию и заблаговременной консолидации производительных сил и материальных ресурсов, проходило очень быстро. Патриарх с его тонким умом, непреклонной волей и решительным характером предпочитал реализовывать детально обдуманые планы без промедлений и заминок.

На этом фоне история возведения Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря выглядит необъяснимым исключением. Исходя из обозначенной выше динамики возведения других храмов, и даже учитывая гораздо больший, по сравнению с ними, строительный объем Воскресенского собора, можно было бы ожидать, что на возведение вчерне храма на Истре у патриарших мастеров уйдет не более трех-четырех лет. Между тем, несмотря на щедрые царские пожертвования и большие производительные возможности обширных вотчин трех основанных Патриархом монастырей [14, с. 34], Воскресенский собор строился восемь лет (!), и к концу этого периода так и остался незавершенным. Определенно, вокруг строительства Воскресенского собора сложилась уникальная, по сравнению с другими патриаршими проектами, ситуация, что делает еще более востребованным и необходимым детальное исследование истории храма на Истре в патриарший период.

В письменных источниках разного типа и происхождения можно обнаружить разрозненные свидетельства, характеризующие возведение Воскресенского собора при Патриархе Никоне. Их совместное рассмотрение позволяет выявить определенную динамику и наметить периодизацию хода строительных работ в соборе в рассматриваемый период, а также обозначить

причины их большой продолжительности и, в итоге, незавершенности храма до ссылки Патриарха.

Прежде всего, отметим, что в средние века время, пригодное для проведения каменных работ, было ограничено теплой половиной года (в средней полосе России: вторая половина апреля — начало сентября), когда среднесуточная температура имеет постоянные положительные значения — это условие необходимо для затвердевания известкового раствора в каменной кладке. В таком свете маловероятно, чтобы возведение Воскресенского собора началось в самом конце строительного сезона — 1 сентября 1658 г., как полагал архим. Леонид; это должно было произойти гораздо раньше — весной или в начале лета. Например, возведение каменного собора Валдайского Иверского монастыря началось 12 мая 1655 г. [15, стб. 158]. Поэтому более правдоподобной датой начала каменного этапа строительства Воскресенского собора видится день 27 апреля 1658 г., указанный в монастырской летописи архим. Никанора 1680-х гг. и высеченный на белокаменных плитах, установленных возле главного входа в собор: «Начата же бысть сия церковь великая месяц апрель 27...» [16, с. 103; 17, с. 181, 357, рис. 8.1; 9, с. 143]. К этой дате склоняется и Г.М. Зеленская [9, с. 143].

Когда летом Патриарх Никон покинул Москву, строительство храма, должно быть, уже шло полным ходом; судя по замечанию в стихотворной летописи архим. Никанора, стремление лично контролировать строительные работы в соборе было одной из основных причин, побудивших Патриарха оставить столицу: «От царствующаго града семо прииде, ибо зданию сему тщателно прилежа...» [1, с. 95; 16, с. 103; 17, с. 181; ср.: с. 260]. С учетом опыта дистанционного руководства строительством Иверского собора (1655-1656 гг.), когда не все указания Патриарха были на месте точно выполнены мастерами¹ и принимая во внимание гораздо более сложный и значимый характер замысла храма на Истре, такой поворот событий можно считать вполне ожидаемым.

В письме к царю Алексею Михайловичу около 1 сентября 1658 г. Патриарх Никон подводит итог первого года строительства Воскресенского собора: «...начатки твоим, государевым, жалованием — храму святаго Живоноснаго Воскресения изобразишася и все таинствам Господним образы и початки уже немало возвышены: овы пол, овы треть, и инех инако есть, но недостатки камени и кирпича возбраниша [в] нынешнее лето содеятися оной божественной и святой великой вещи; и надеем же на Господа в придущее лето, аще Господь благоволит, совершити. Кирпичу деланаго есть семьсот тысяч, и ныне жжем и будет готов к делу, толко чаять, что извести не будет на совершение. Господа ради, помилуй Великий государь, изволь приказать извести изгечь в Звенигороде с тысячу бочок или з две, дабы оная божественная и велика вещь совершилась во святое царство [твое]. Ей-ей, верую, яко такожде прославит,

---

¹ именно такое впечатление оставляют данные по устройству хоров внутри собора и его центральной главы [12, с. 133]

напишет Святой Бог и твое святое имя в книге животныя, якоже и Великаго Константина, перваго [христианского] царя, создавшаго храм Святаго Воскресения [в Иерусалиме]...» [18, с. 383-384].

Этот фрагмент позволяет сделать ряд ценных наблюдений: 1) большую роль в строительстве имели царские пожертвования; 2) храм изначально возводился как подобие главной святыни христианства, на что указывает сообщение о его насыщенной священной топографии («храму святаго Живоноснаго Воскресения... и все таинствам Господним образы и початки»); 3) строительство разных частей храма происходило одновременно («образы и початки уже немало возвышены»).

Чрезвычайно любопытна оценка разной степени завершенности частей храмового комплекса к концу строительного сезона («овы пол, овых треть, и инех инако есть»). По-видимому, для быстроты строительства в 1658 г. в соборе работало сразу несколько бригад (или артелей) строителей. Вероятно, при одинаковой производительности каждая из них имела свой, строго оговоренный объем работ; можно допустить, что он соответствовал разным объемно-планировочным элементам храмового комплекса: собственно собору (тут могли работать одновременно 2-3 бригады); ротонде; колокольне (строительство Подземной церкви при Патриархе Никоне так и не началось). Таким образом, к концу сезона разные части собора имели степень завершенности сообразно величине строительного объема и, может, отчасти своему значению. Например, наполовину мог быть возведен собственно собор, на третью часть — ротонда, а очень неопределенная характеристика «инако есть» может относиться, например, к колокольне или приделам Подземной церкви.

Замечание «но недостатки камени и кирпича возбраниша [в] нынешнее лето содеятися оной божественной и святой великой вещи» позволяет заключить, что Патриарх Никон (вероятно, вдохновившись успешным опытом возведения Иверского собора всего за два сезона) приступил к строительству Воскресенского собора в 1658 г. с такой решительностью, что планировал завершить все здание в еще более сжатые сроки — за один сезон. Для обеспечения такого темпа в Воскресенском монастыре должно было быть приготовлено исключительное количество строительных материалов и сосредоточено множество мастеров и разнорабочих.

Если обратиться к примеру строительства собора Иверского монастыря, то в отчете, отправленном Патриарху игуменом Дионисием, можно найти такие данные: на строительные работы в мае 1655 г. прибыло две группы (артели?) каменщиков по 21 человеку в каждой, и ожидалось прибытие еще одной; предполагалось нанять 50 разнорабочих и 20 плотников [15, стб. 158-159]. Итого, непосредственно в строительстве собора планировалось задействовать не менее 130 человек. Архид. Павел Алеппский, посетивший Иверский монастырь на второй год строительства собора (1656 г.), приводит цифру в 300 каменщиков (цит. по: [12, с. 123; 147, прим. 50]). С учетом технологических особенностей строительного процесса и данных за 1655 г., в этом сообщении

скорее следует видеть общую численность лиц, тем или иным образом задействованных в работах по возведению храма.

Площадь и строительный объем Воскресенского собора значительно больше собора Иверского монастыря, его объемно-планировочное решение гораздо сложнее и многообразней. Исходя из этих отличий, можно предположить, что в сезон 1658 г. на строительстве храма могло быть задействовано 5-7 артелей одних только каменщиков (100-140 человек).

Для определения численности мастеров в последующие годы С.В. Безсоновым была указана возможность подсчета по косвенному признаку — количеству погодных склеек, упомянутых в казначейской описи 1666 г. ([6, с. 28] — с ошибками), которая опубликована в труде о. Леонида. Там имеются данные за 1661-1665 гг. [1, с. 187-188], когда Патриарх имел меньшие возможности, чем в 1658 г. Первый сезон строительства собора целесообразно рассматривать как самостоятельный эпизод в истории храма, поскольку подготовка к строительству и большая часть работ 1658 г. проходили, когда Патриарх Никон еще находился на патриаршей кафедре в Москве. Заручившись поддержкой царя, располагая огромными ресурсами патриаршего дома, Первосвященник мог сконцентрировать в обители на Истре исключительную по своим размерам армию строителей, обеспечив их необходимым количеством строительных материалов.

Н. Витсен отметил в своем дневнике, что в сезон 1664 г. на строительстве собора было занято 1500 человек [19, с. 179]. Эта цифра кажется завышенной в 2-3 раза, но она хорошо передает ощущение колоссального масштаба стройки. Отклик на беспрецедентный характер возведения Воскресенского собора можно найти и в сочинениях соотечественников-оппонентов Патриарха (подборку цитат см.: [20, с. 166]).

Далее в тексте патриаршего послания царю привлекает внимание выделение недостатка строительных материалов — кирпича и белого камня. Упоминание кирпича вполне закономерно — это основной строительный материал большинства патриарших построек. Неожиданно выглядит упоминание белого камня: в сохранившихся частях Воскресенского собора, относящихся к патриаршему периоду строительства, он использован предельно ограниченно, для конструктивно наиболее ответственных мест, преимущественно в нижней части здания. На фасадах это — сложно-профилированный цоколь, четыре портала и подоконники больших наличников; в интерьере — многоступенчатый синтрон Горнего места, часовня Гроба Господня, базы колонн, ступени лестниц и местами нижняя часть кладки стен и столпов на высоту в несколько рядов блоков. Эту особенность подметил еще Н. Витсен [19, с. 179].

Но в своем письме Патриарх упоминает камень в контексте сообщения о причинах, не позволивших ему завершить храм, следовательно, белый камень должен был использоваться и в верхней части здания. При этом в письме нет упоминаний об изразцах.

Данные обстоятельства позволяют предположить, что в начальный период строительства собора белый камень играл более важную роль, нежели в последующие годы, — вероятно, он предназначался и для декора. В этой связи вспоминается одна из патриарших грамот в Иверский монастырь периода подготовки строительства там соборного храма (между 7-16 октября 1653 г.), где Никон указывает архим. Иакову: «Да буде мочно, белого камени сыскать на резь, и тебе бы про то нам вестно учинить, да и на помост плит добрых крепких; а буде не сыщется, и тебе бы тож отписать про все вскоре, не измешкав, и мы бы по тому промышляли zde...» [15, стб. 44].

В дальнейшем эта задумка не получила развития: как показали натурные исследования, в существующем храме из белого камня выполнен один лишь цоколь, а резных белокаменных украшений нет вовсе [12, с. 122]. Возможно, нереализованный замысел создания резной белокаменной декорации Иверского собора нашел свое воплощение в замысле Воскресенского собора в первые два года его возведения.

В послании царю Патриарх демонстрирует решительный и оптимистичный настрой относительно перспектив строительных работ: «и надеем же на Господа в придущее лето, аще Господь благоволит, совершити». Это подтверждает его заинтересованность в скорейшем завершении строительства, высокий темп работ и наличие достаточного количества ресурсов для их быстрого и успешного окончания. С учетом корректировки сроков, возведение Воскресенского собора, по мысли Патриарха, должно было уложиться в два сезона, как в случае с собором Иверского монастыря.

Для обеспечения бесперебойного хода стройки на следующий год в монастыре полным ходом шло производство кирпича: «Кирпичу деланаго есть семьсот тысяч, и ныне жжем и будет готов к делу, толко чаять, что извести не будет на совершение. Господа ради, помилуй Великий государь, изволь приказать извести изжечь в Звенигороде с тысячу бочок или з две, дабы оная божественная и велика вещь совершилась во святое царство [твое]...»

Цифра в 700.000 шт. кирпича — поистине колоссальная — еще одно подтверждение исключительных масштабов патриаршего строительства. Для сравнения: при архим. Амвросии (Зертис-Каменском), когда под патронажем императрицы Елизаветы Петровны шло восстановление Ново-Иерусалимской обители, монастырские заводы производили только 300.000 шт. кирпича в год [21, с. 125]. Анализ строительной расходной книги 1756 г. [21, с. 203-211] показывает, что за один сезон строительства стены ротонды, где работала одна артель, ушло около 200.000 шт. кирпича.

Проецируя эти данные на ситуацию XVII в., можно заключить, что произведенного в конце 1658 г. кирпича хватило бы на сезон работы трех-четырех артелей каменщиков. Однако, исходя из объема конструкций собора и учитывая выполненные в 1658 г. работы, для завершения строительства в сезон 1659 г. Патриарху потребовалось бы количество кирпича, по-видимому, в два-три раза больше заявленного (всего на храм, по нашим оценкам: 3-3,5 млн шт.).

К началу строительного сезона 1659 г. ситуация изменилась. В отчете видного московского чиновника — дьяка Д. Башмакова, приехавшего к Патриарху Никону 17 мая 1659 г., отмечено: «...да патриарх же из трапезы выходил к деревянной церкви на паперть и позвал меня к себе, и, смотря на завод новые каменные церкви, сказывал про таинства, каких ради Христовых страстей, где что в стенах делать заведено; а все-де заведено против того, какова церковь во Иеросалиме, а достроить-де её некем: каменщиков нет, да и денег нет же, что-де пожаловал великий государь на церковное строение денег, и то-де поизошло, а с монастырских-де вотчин денег в приходе бывает мало больше ста рублей, крестьяне-де на монастырь пашут хлеб и делают всякие изделия, да и хлебом-де ныне не сподобится, потому что хлеб растет плох, и он-де, патриарх, поустроя в монастыре монастырского строения нынешнем летом, и к осени хочет бить челом великому государю о поезде в Крестный монастырь» [22, с. 171].

Это свидетельство органично дополняет сообщение 1658 г. За прошлый год строительство продвинулось настолько, что появилась возможность предметного обозрения недостроенного здания с комментарием что и в какой части будет располагаться, и Патриарх увлеченно показывает высокопоставленному гостю из Москвы состояние работ.

Вместе с тем изменившиеся обстоятельства (отсутствие средств и постигший крестьян неурожай) заставили Патриарха пересмотреть свои планы; пропали решительность и оптимизм: в разговоре с дьяком Никон даже не вспоминает о своем прошлогоднем намерении завершить храм вчерне к концу текущего строительного сезона. Единственное, что действительно интересует Патриарха, — по завершении строительного сезона отправиться в свою самую дальнюю обитель — Крестный монастырь на Белом море. Вероятно, он решил завершить начатые работы на Кий-острове, чтобы затем сконцентрировать свое внимание и материальные ресурсы на строительстве в Новом Иерусалиме.

Отметим, что вопрос финансирования строительных работ в Воскресенском соборе был для Патриарха Никона наиболее сложным на протяжении всего периода кон. 1658-1666 гг. Покинув летом 1658 г. Москву, он лишился доступа к патриаршей казне и огромным доходам патриаршего дома. Оставшиеся под управлением Патриарха вотчины трех основанных им монастырей, кроме обеспечения благосостояния обителей, к которым были приписаны, стали источником рабочей силы и материальных ресурсов для строительства огромного Воскресенского собора, но обеспечивать еще и финансирование работ они не могли.

Об этом наглядно свидетельствует то обстоятельство, что после возведения соборных храмов в Иверском и Крестном монастырях каменное строительство в этих обителях замерло и возродилось лишь в 1670-1680-е гг. [12, с. 131, 147, прим. 52; 13, с. 270, 286-289], когда по решению Большого Московского собора 1667 г. три бывших патриарших монастыря стали полностью независимыми друг от друга хозяйственно-правовыми субъектами.

Подарки царя Алексея отличались чрезвычайной щедростью, но пожертвования от случая к случаю не могли быть надежной опорой строительству. Неопределенный статус Патриарха Никона во время его жизни в Ново-Иерусалимском монастыре не давал возможности широко привлекать и вкладчиков с их средствами.

В таких условиях единственным источником регулярного поступления необходимого объема финансовых средств для возведения Воскресенского собора могли быть только доходы от стабильных, высокоприбыльных видов деятельности — промышленности или торговли. Таким источником стал ежегодный доход от сбыта продукции двух соляных варниц в объеме 20 тыс. пудов соли в год, пожалованный в качестве вклада еще в 1655 г. Иверскому монастырю вдовами двух внуков московского гостя Г. Никитникова. Эти варницы находились на р. Зырянке в Усольском уезде (текст вкладной — [1, с. 668-670]) и, как видно из сообщений и документов последующих лет, ежегодный денежный эквивалент стоимости их продукции составлял огромную по тем временам сумму в 2 тыс. рублей [1, с. 509, 524; 14, с. 34]. Но в начале 1659 г. произошли события, на время лишившие строительство собора этого важного источника финансирования.

Несмотря на то, что прошло уже несколько лет, как умерли от чумы оба сына Г. Никитникова (1654 г.), царское правительство неожиданно озаботилось судьбой его наследства, и государевым указом от 9 января 1659 г. все бывшие варницы гостя как выморочное имущество были изъяты у вдов его сыновей в казну [23, с. 107]. 17 апреля 1659 г. датирована царская грамота управляющему варницами, гостю С. Задорину со товарищи, о необходимости передачи не только доходов, но и самих двух варниц Патриарху Никону (изд.: [1, с. 615]). Как видно из более позднего документа, ни в 1659, ни даже в 1660 г. Воскресенский монастырь не вступал в права собственности этими варницами и, следовательно, не получал доходов с них: «...и во 169 (1661) году, мая в 27 день, в Приказе Большие Нашея Казны, соляного промыслу промышленник гость Семен Задорин сказал, что той [грамоты]... об отдаче тех двух варниц к Семену не бывало, и тех варниц... патриарху Никону он не отдавал, и по указу... Великого государя... за те Григорьевские две варницы Никитникова... патриарху Никону... давано Государское жалование деньгами, и хлебом и солью...» [1, с. 632].

Таким образом, отсутствие средств, о котором бегло упомянул Патриарх Никон в разговоре с дьяком Д. Башмаковым в мае 1659 г., было проблемой, способной существенно влиять на темпы строительства Воскресенского собора. Как видно из послания Патриарха царю Алексею в ноябре 1663 г., выплата из казны ежегодной компенсации за продукцию двух варниц в размере 2 тыс. рублей рассчитывалась с 7168 г. [24, с. 648; 18, с. 424] — т.е. с 1 сентября 1659 г. Сами выплаты начали поступать в монастырь, судя по приведенной выше цитате, не ранее конца мая 1661 г., если не позже.

Возвращаясь к отчету Д. Башмакова, заметим, что ситуация на строительной площадке в 1659 г., может быть, была не так фатальна, как характеризовал её Патриарх в разговоре с дьяком. Никон отметил, что планирует отправиться в Крестный монастырь лишь в конце лета, т.е. по завершении строительного сезона, «поустроя в монастыре монастырского строения нынешнем летом». По-видимому, существовали материально-финансовые возможности, позволявшие, кроме обустройства монастырского быта, о котором говорит Патриарх, продолжать и возведение Воскресенского собора, хотя не с таким размахом, как годом ранее. Основного строительного материала в монастыре было, вероятно, достаточно, — вспомним об огромном количестве кирпича, производство которого так активно велось в начале осени 1658 г.

Рассмотренные письменные свидетельства позволяют заключить, что в первые два года строительство Воскресенского собора шло достаточно интенсивно. В конце 1658 г. готовность основного корпуса храма могла составлять в среднем около 30-40% от запланированного объема здания, а к концу 1659 г., если строительные работы все же проводились, степень завершенности каменных конструкций собора могла приблизиться к показателю в 50-60%.

По завершении строительного сезона 1659 г., в сентябре, Патриарх Никон отправляется в поездку в Крестный монастырь, посетив не только Валдайский [14, с. 37], но и Троицкую Галилейскую пустынь на озере Велиё [25, с. 185].

Почти весь следующий год Патриарх пробыл в Крестном монастыре, где под его руководством сооружался каменный Крестовоздвиженский собор [1, с. 37; 25, с. 185-191] и продолжалось обустройство обители. Можно заключить, что ввиду недостатка средств, отсутствия руководителя и, наверное, части мастеров, в Воскресенском соборе в сезон 1660 г. строительные работы не проводились.

Работы следующего, 1661 г., кратко отражены в одном осеннем послании Патриарха Никона царю Алексею: «Мы ныне, смиренный твой богомолец, оскудали всем, [вложившись] в ваше государево богомолье — в создание церкви Христова Воскресения и святых Голгофы и Святаго Живоноснаго Христова Гроба. И сего ради молим твою кротость, иже в создание храма Воскресения Христова и прочих святых мест, и нам бедным на пропитание [подай милостыню]... А яже о создании святых мест, изволь, великий государь, спросать своего, государева, окольниковца Ивана Михайловича [Милославского]...» [18, с. 395].

Говоря о больших расходах на строительство Воскресенского собора в сезон 1661 г., Патриарх умалчивает о перспективах его завершения. Исходя из динамики 1658-1659 гг., речь должна была бы идти о возведении верхних частей храма, перекрытий его основных внутренних пространств и сооружении над ними венчающих элементов — большой главы над собственно собором и шатра над ротондой, а также колокольни. Вместо этого Никон акцентирует

внимание адресата на небольших структурных элементах нижнего яруса, которые должны были быть завершены еще в 1658 или 1659 г. («святыя Голгофы и Святаго Живоноснаго Христова Гроба»).

Вне зависимости от того, чем продиктовано упоминание этих приделов — высокой патетикой или стремлением обозначить реальные места проведения строительных работ в 1661 г., — внимание на этих акцентах с учётом сообщений предыдущих лет создает ощущение утраты поступательного темпа строительства собора. Патриарх, словно предвидя недоумение царя, вероятно, хорошо знакомого с предыдущим ходом строительства, аккуратно отсылает его за подробностями происходящего к посланному придворному лицу: «А яже о создании святых мест, изволь, великий государь, спросать своего, государева, окольниковца Ивана Михайловича...» Возможно, в конце сезона Патриарх совершил еще одну поездку в Крестный монастырь для освящения в нем храмов, но этот вопрос требует уточнения.

По-видимому, сезон 1661 г. выдался весьма насыщенным, и у Патриарха были большие планы на будущий год, так что, когда 1 ноября царский посланец стольник Г.Н. Собакин привез в монастырь милостыню в размере 3000 руб., этот великолепный подарок был принят Никоном с воодушевлением и оптимизмом: «И мы за Вашу, Государеву премногую милость о Вашем, Государеве, душевном спасении и телесном здравии со всею братию со слезами Господу Богу молимся и Ваше, Государево жалование, в Ваше, Государево, богомолие вложим — в церковь Святаго Живоноснаго Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа...» [18, с. 397].

Нам не известно, как прошел строительный сезон 1662 г., но заслуживающими внимание видятся события его конца. В разных частях первого яруса недостроенного собора Патриарх Никон освящает нескольких приделов: Успения Пресвятой Богородицы (предположительно — 14 августа), Усекновения главы св. Иоанна Предтечи (предположительно — 29 августа), Воздвижения Животворящего Креста Господня на Голгофе (15 сентября) [1, с. 154-155, 327; 26, с. 4-5, 10].

Можно думать, что освящение важнейшего знакового элемента западной половины основного корпуса собора (ротонды) — часовни Гроба Господня — могло произойти в это же время, поскольку еще в 1661 г. Патриарх сообщал царю о работах по его устройству.

Освящение приделов в 1662 г. — единственное событие такого рода за всю историю строительства Воскресенского собора, поэтому оно вызывает множество вопросов. Во-первых, необычно то, что была нарушена общепринятая практика: не дождавшись завершения строительства всего храма и освящения главного алтаря, Патриарх освящает ряд боковых приделов. Во-вторых, настораживает некоторая запоздалость этого события, учитывая сравнительно небольшие размеры приделов и их расположение на самом нижнем уровне здания: будь такая необходимость, они могли быть освящены

гораздо раньше — еще в 1658-1659 гг. или в течение 1661 г. О причинах этих странностей и промедлений в источниках нет указаний.

К вопросу необходимости освящения приделов в 1662 г. мы вернемся позже. Тут отметим, что с точки зрения последующего хода строительных работ в Воскресенском соборе, это событие имело переломный характер: после 1662 г., насколько позволяют судить источники, процесс возведения храма вошел в стабильное, поступательное русло.

Так, в самом начале 1665 г. голландец Н. Витсен видел полностью завершенную колокольню и отметил, что корпусу храма не хватает только одного «этажа» [19, с. 179], под которым, вероятно, надо понимать третий ярус собора, состоящий из светового барабана ротонды и крестообразного главного нефа собственно собора. Учитывая, что Н. Витсен был в монастыре в самом начале мая 1665 г., когда строительный сезон только начинался, увиденное им состояние Воскресенского собора следует считать результатом работ предыдущих лет: если первый ярус собора был выстроен в 1662 г., то строительство второго яруса и колокольни следует датировать 1663-1664 гг.

Косвенным подтверждением завершения колокольни к концу 1664 г. можно считать начало периода литья колоколов: самый ранний из них (несохранившийся Всехсвятский) имел дату 3 ноября 1664 г. [1, с. 92, 204], три сохранившихся малых датируются 1666 г. [27, с. 153-154]. Как показывают источники [1, с. 688-690; 18, с. 429-430; 24, с. 265-266, 850-854], только после 1 сентября 1665 г. мог быть вылит и самый большой — Воскресенский колокол, замысел которого Патриарх вынашивал еще в 1658 г. и на котором стояла только одна дата — «1658 году, сентября в 1 день, начала святые вещи сей бытия» [1, с. 90, 202].

Возвращаясь к обзору строительства Воскресенского собора, отметим, что по данным стихотворной летописи архим. Никанора, к концу 1666 г. стены храма поднялись на высоту 15 сажень [1, с. 96; 16, с. 104; 17, с. 181], как минимум, до уровня венчающего карниза основного корпуса. В итоге ко времени ссылки Патриарха всему зданию недоставало только двух венчающих частей: большой главы (над собором) и шатра (над ротондой), а также, по-видимому, сводчатых перекрытий главного нефа. Вероятно, в середине 1665-1666 гг. к востоку от алтарей был выкопан котлован для строительства последней, недостающей части соборного комплекса — системы из двух подземных приделов-крипт. В целом, темп сооружения собора в 1662-1666 гг. можно назвать быстрым: в среднем за сезон строители успевали возвести конструкции, объемом равные почти целому ярусу огромного храма.

Итак, общая динамика работ в Воскресенском соборе при Патриархе Никоне не отличалась стремительностью и однородностью, характерными для других его строительных проектов. Особенно неровными выглядят 1658-1662 гг. В первый год Патриарх начал работы с присущей ему энергией, на следующий год их темп падает, в третий год Никон находится на севере, и строительство, очевидно, не ведется вовсе.

Необъяснимой выглядит ситуация 1661-1662 гг. — четвертого и пятого годов строительства после возвращения Патриарха из Крестного монастыря. Судя по сообщениям предыдущих лет, возведение собора должно было вступить в финальную стадию, но вместо этого из источников следует, будто Никон целых два года (!) занимался обустройством приделов первого яруса, которые имеют небольшой строительный объем и могли быть устроены еще в 1658 или в 1659 г.

Сооружение Воскресенского собора сопровождали события, существенно затормозившие ход работ, но не отраженные в рассмотренных источниках. Поэтому чрезвычайно любопытно свидетельство анонимного автора, входящее в состав «Новгородского хронографа» («Новгородской Забелинской летописи») рубежа 1670-1680-х гг. Это единственное известное в настоящее время сообщение современника, которое носит обзорный характер; пускай лишенное дат и в предельно обобщенной форме, но оно представляет всю историю возведения Воскресенского собора при Патриархе Никоне и его характерные особенности: «И множество строяще, и донныне стоит тое церковь в несовершении, потому что божиим промыслом тое церкви не совершится того ради, что с тое церкви Иерусалимские к патриарху привезен чертеж, и против чертежу, рассмотря в том деле, что не исправлено, и не по одно время, повелит сломати. Аще делают год того каменного дела, и в мале времени повелит сломати, и тое церковь и донныне тако недостроена суть...» [28, с. 297].

Это известие впервые было опубликовано С.А. Белокуровым [29, с. 428, прим. 14] и затем неоднократно цитировалось [6, 7, 9, 30-32]. Первичное изучение рукописи, из которой был извлечен этот пассаж, привело акад. М.Н. Тихомирова к выводу, что её автор был чрезвычайно хорошо осведомлен о делах Патриарха Никона [28, с. 297]. Предпринятый впоследствии А.В. Лаврентьевым детальный анализ показал, что блок свидетельств о Патриархе происходит из особого источника, вероятно, представлявшего собой подобие патриаршего келейного летописца, автор которого происходил из круга ближайших помощников и сподвижников Патриарха Никона [33; 34, с. 42]. Размещенные в разных местах рукописи эти сообщения формируют комплекс уникальных свидетельств о деятельности Святителя.

Повествование об основании Ново-Иерусалимского монастыря и строительстве Воскресенского собора в нем, выдержку из которого мы привели выше, представляет собой такой же сложный узел, как и разобранный А.В. Лаврентьевым свидетельство об Иверском монастыре, но со своей спецификой.

Его содержание не столь прямолинейно и однозначно, как пытались представить предыдущие комментаторы. «Чертеж» и перестройки собора, скорее всего, существовали, но между ними не было той взаимосвязи, которую приписывает им аноним. Противоречивым выглядит сам характер ситуации, поскольку автор говорит не об одной, корректирующей перестройке, спровоцированной появлением «чертежа», а о целой череде разных по

продолжительности переделок. Если воспринимать это сообщение буквально, мы должны допустить, что несоответствия устранялись стихийно, по мере их обнаружения, — однако, такой сценарий полностью бы парализовал строительство как таковое.

Основания появления искусственных причинно-следственных связей (равно как и откровенно гипертрофированных оценок характера структуры собора, которые остались за пределами приведенной цитаты) проясняются в конце рассматриваемого пассажа: при всем своем положительном отношении к Патриарху анонимный автор явно не одобрял предпринятого им строительства Воскресенского собора. Используя всевозможные приемы, он стремится убедить читателя, что замысел собора со всем его гигантизмом и многосложностью, с буквальной ориентацией на величайшую святыню Христианского мира, — слишком горд и дерзновенен, по сути, обречен на неудачу и никогда не может быть завершен. Вместе с тем, аноним, как очевидец беспрецедентного события, история которого разворачивалась у него на глазах и инициатором которого, к тому же, был Патриарх Никон — объект его постоянного благоговейного внимания, — при личном отрицательном отношении к данному эпизоду все же отразил в своем рассказе ряд уникальных подробностей, достоверность которых не вызывает никаких сомнений. Таким образом, сообщение анонима — сложный, насыщенный информацией, внутренне логичный источник, требующий отдельного обстоятельного рассмотрения.

Наиболее ценное в процитированном фрагменте сообщения очевидца — фиксация самого факта перестроек Воскресенского собора, проводившихся по указаниям Патриарха Никона в ходе строительных работ.

Как показывает история мировой цивилизации, вероятность корректирующих переделок в процессе реализации крупнейших инженерно-строительных проектов всегда присутствует, а иногда она практически неизбежна. Можно вспомнить, например, историю строительства собора св. Петра в Риме, когда в ходе многолетних работ каждый последующий руководитель строительства увеличивал прикладками сечение подкупольных пилонов для увеличения их несущей способности, а после назначения руководителем строительства Микеланджело по его настоянию были разобраны части здания (трансепт), перед этим возведенные по проекту Антонио да Сангалло [35, с. 179, 180; 36, с. 223]; тогда же был разобран и огромный хор, заложенный при папе Николае V и заверченный Д. Браманте при Юлии II [37, s. 252]. На материале истории сооружения Патриархом Никоном собора Иверского монастыря также можно заметить изменения замысла [12, с. 123].

Если воспринимать сообщение анонима буквально, создается впечатление, будто переделки в процессе строительства Воскресенского собора носили непрекращающийся характер и сопровождали возведение храма чуть ли не с

самого начала в 1658 г. и вплоть до остановки, вызванной осуждением и ссылкой Никона в конце 1666 г. Рассмотрим этот сюжет детально.

Неизвестный очевидец не привязывает описываемые события к конкретным датам. Однако обращает на себя внимание характеристика, по-видимому, связанная с наиболее крупной переделкой, запомнившейся анониму: когда слому подверглись части здания, на возведение которых ушло более одного строительного сезона: «Аще делают год того каменного дела, и в мале времени повелит сломати». Любопытна сама характеристика временного отрезка, не кратная строительному сезону — это не «лето» или «два лета», а именно отвлеченный календарный интервал — «год».

Данная лексическая особенность буквально перекликается со свидетельством, содержащимся в грамоте 1662 г. Патриарха Никона Газскому митрополиту Паисию, где Патриарх аналогично характеризует первый период (июль 1658 – начало сентября 1659 г.) своей жизни в Воскресенском монастыре: «быхом zde год и два месяца. И оскудехом потребами, яже суть к жизни нашей, и изыдохом во второй монастырь и в третий, яже суть на мори» [18, с. 597].

Вряд ли такое совпадение случайно. Вероятно, сообщение очевидца в летописном своде несколько упрощенно («год», вместо «год и два месяца») воспроизводит характеристику именно периода, о котором автор, учитывая его близость к архипастырю, был хорошо осведомлен. Он мог почерпнуть её как из переписки Патриарха Никона, так и из его устной речи.

С учетом этого наблюдения можно заключить, что в сообщении анонима повествуется о разборке частей Воскресенского собора, возведенных в 1658-1659 гг. Принимая во внимание остановку строительства в 1660 г. и данные осеннего послания царю 1661 г., когда Патриарх упоминает проведение работ в первом ярусе храма, можно предположить, что крупнейшая разборка собора произошла в период между двумя этими датами — после возвращения Патриарха из поездки в Крестный монастырь и не позднее начала-середины следующего строительного сезона. Отмеченная анонимом серия кратковременных строек и разборок, проводившихся «не по одно время», с учетом положительной динамики в первые годы строительства, надо полагать, последовала только за этой первой масштабной разборкой.

Черета кратковременных строек и переделок не могла постоянно сопровождать строительство собора — ведь к концу 1666 г., как мы уже видели, храм был почти полностью завершен. Можно допустить, что первая и самая крупная разборка собора произошла по причине существенного изменения архитектурной концепции здания. Серия последовавших за ней кратковременных строек и разборок может указывать на процесс поиска новой архитектурной концепции. Учитывая сложность задачи и неординарность ситуации, Никону, по-видимому, удалось найти нужное решение не сразу, а лишь перебрав, может быть, один-два варианта: по каким-то причинам в глазах Патриарха они быстро теряли свою актуальность, и поэтому только

начинавшиеся возводиться части собора опять разбирались, и процесс начинался заново.

Пойдя на радикальный пересмотр концепции и разборку собора в конце 1660 – начале 1661 гг., Патриарх ступил на рискованный путь. Эмоциональная тяжесть принятых решений, большая и трудная интеллектуальная работа по формированию новой концепции осложнялись, должно быть, давлением внешних обстоятельств. Намеренный, без каких-либо очевидных причин слом еще незавершенного храма наверняка выглядел в глазах современников Никона поступком на грани кощунства — как в духовном плане, так и в свете усилий множества мастеров и работников, занятых в строительстве, а также огромных средств, ушедших на его возведение.

Поворотным этапом, благополучно завершившим этот период концептуальной неустойчивости, нам видится строительный сезон 1662 г., итогом которого стало обустройство и освящение в уровне первого яруса собора сразу нескольких приделов. Сам факт освящения церкви, придела или часовни предполагает, что на объекте завершена основной цикл строительных и отделочных работ, он укомплектован всем необходимым и готов к постоянной эксплуатации, которая, очевидно, не предусматривает в скором времени новых переделок и изменений.

Таким образом, освящение приделов строящегося собора в конце 1662 г. представляет собой важнейшую веху внутри всего патриаршего периода строительства Воскресенского собора. Это освящение — прокламативная акция Патриарха Никона, предельно однозначная и понятная по своему внутреннему содержанию любому из его современников. Обустроив и освятив ряд приделов собора, Никон тем самым наглядно и недвусмысленно возвестил своим ближайшим помощникам, членам монастырской братии, мастерам, простым работникам и всему внешнему миру, что тяжелый период концептуального поиска, сопровождавшийся перестройками, завершился, и начинается период последовательной реализации некоей новой, окончательной концепции храма. Ряд дополнительных факторов, на наш взгляд, подтверждает такую трактовку событий 1662 г.

Так, анализ опубликованных обмерных данных здания и строительной хронологии [38, с. 28-29; 39, табл. I.2; 40, с. 108-109] показывает, что в уровне первого яруса основного корпуса Воскресенского собора в процессе строительства в 1650-1660-х гг., кроме главного алтаря, были оформлены места для устройства 12 приделов, причем, почти в половине из них в патриарший период строительства были сооружены изразцовые иконостасы. Патриарх же в 1662 г. освятил из всего этого количества только три придела.

Трактовать это событие как проявление, например, «очередности строительства», также нет оснований, поскольку освященные в 1662 г. приделы не сгруппированы вместе, не приурочены к какой-либо одной структурно-планировочной части комплекса собора, а размещены в противоположных местах здания: придел Успения Пресвятой Богородицы — в северо-восточном

углу; св. Иоанна Предтечи и Воздвижения св. Животворящего Креста на Голгофе находятся друг над другом в двухэтажном блоке, встроенном в юго-восточную часть бокового нефа собственно собора.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что посвящения освященных в 1662 г. приделов связаны исключительно с важнейшими личностями Нового Завета — Пресвятой Девой Марией и св. Иоанном Крестителем, а также с главным символом христианства — св. Животворящим Крестом. В этом отношении часовня Гроба Господня, связанная непосредственно с именем Спасителя, своим посвящением органично вписывается в этот ряд, придавая ему полноту и законченность не только в умозрительном плане, но и топографически — образуя в строящемся здании третью точку вознесения молитв, которая одновременно является единственной действующей в западной половине основного корпуса собора (ротонде). Все эти обстоятельства делают весьма вероятным освящение часовни Гроба Господня в том же 1662 г. или чуть позже.

Рассмотренные особенности вкупе позволяют заключить, что освящение приделов в 1662 г. — не случайность, не технический или бытовой момент, а глубоко осмысленный шаг. Кроме символа завершения концептуального поиска и стабилизации строительного процесса, это событие выглядит и как прокламация нового освящения строительной площадки храма: сооружение Воскресенского собора не только технически, но и духовно началось словно заново. Не исключено, что действующие, семантически главные приделы внутри строящегося храма своим функционированием должны были освящать и сам дальнейший ход строительства собора.

Рассмотренные нами выше данные о динамике строительства в последующие годы не дают оснований сомневаться, что Патриарх, в целом, придерживался замысла, сформировавшегося около 1662 г., вплоть до самого конца 1666 г. В период 1662-1666 гг. возможность корректирующих переделок в соборе окончательно исключать нельзя, но сам высокий поступательный темп работ в это время не оставляет места для продолжительных замедлений, характерных для масштабных перестроек, тем более что архитектурное решение сохранившихся до настоящего времени частей собора патриаршего периода, в первую очередь, их объемный строй, производит целостное и гармоничное впечатление. Так что для этапа строительства 1662-1666 гг. мы можем предполагать, скорее, мелкие локальные корректировки. Впрочем, подтвердить или опровергнуть наши предположения можно будет лишь в случае появления новых письменных, изобразительных и натуральных свидетельств.

Подведем итоги. Письменные источники позволяют выявить в истории возведения Воскресенского собора при Патриархе Никоне весьма сложную динамику. Строительство собора можно разделить на два крупных самостоятельных периода: начальный — 1658-1659 гг. и основной — 1662-

1666 г. Между ними — год отсутствия строительства (1660 г.), когда Патриарх Никон занимался завершением собора Крестного монастыря, и следующий за ним строительный этап, который можно назвать промежуточным (его продолжительность, за неимением детализирующих источников, можно датировать с самого конца 1660 по начало 1662 г.).

Исследованные нами источники не раскрывают особенностей архитектурной концепции раннего Воскресенского собора 1658-1659 гг., как и причин, побудивших Патриарха Никона неожиданно в середине строительных работ отказаться от её реализации и прийти к новому варианту замысла храма. Для всестороннего и основательного решения этой задачи требуется рассмотрение и анализ источников совсем другого типа — памятников патриаршего зодчества, синхронных строительству Воскресенского собора.

В их ряду особое значение принадлежит скиту («отходной пустыни»), выстроенному для Патриарха Никона вблизи Ново-Иерусалимского монастыря. Как показали исследования, это небольшое здание было сооружено в течение двух строительных периодов: в 1658 г. возведен нижний двухэтажный объем, который летом 1662 г. надстроен двумя верхними ярусами [8, с. 28-30]. В таком виде, без существенных изменений и утрат, скит сохранил свой облик до настоящего времени [8, с. 23, 26].

Основные этапы строительной истории скита полностью синхронны основным этапам строительной истории Воскресенского собора при Патриархе Никоне, которые выделены нами на основании анализа письменных источников. Но поздний этап в скиту, в отличие от собора, не замещает собой ранний, — они оба одновременно присутствуют в облике здания. Благодаря этому архитектура скита является важнейшим источником, исключительно наглядно и подробно иллюстрирующим всю глубину различия строительных периодов 1658-1659 и 1662-1666 гг. в Воскресенском соборе. Эти различия можно заметить уже в системе наружного декора — важнейшей составляющей облика любого здания. Если фасады части скита 1658 г. оформлены простыми наличниками из тесанного кирпича, то более поздняя верхняя часть 1662 г. имеет пышное многоцветное изразцовое оформление на основе репертуара декоративных сюжетов классического ордера с элементами маньеризма. Существенные отличия можно заметить также в композиции фасадов и в планировке скита. Анализ этих особенностей ранней части скита позволяет в общих чертах представить облик Воскресенского собора 1658-59 гг. Более детальное и всестороннее рассмотрение вопроса реконструкции архитектурного замысла Воскресенского собора на двух этапах его строительства при Патриархе Никоне требует отдельного исследования.

Список литературы

1. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876.
2. Малхасов Б.Л. Исследования ансамбля Ново-Иерусалимского монастыря // Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». М., 1974, с. 6-9.

3. Бугаева Т.В., Гришин В.П., Тепфер Л.Э., Чернышев М.Б. Новые исследования строительной истории Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». М., 1984, с. 28-34.
4. Монастырь Воскресенский Новоиерусалимский // Выголов В.П., Подъяпольская Е.Н., Разумовская А.А. и др. Памятники архитектуры Московской области: иллюстрированный научный каталог / под общ. ред. Е.Н. Подъяпольской. М., 1999. Вып.2, с. 180-187.
5. Тепфер Л.Э. Реконструкция Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря на конец XVII века // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М, 2002, с. 119-132.
6. Безсонов С.В. Монастырь «Новый Иерусалим» (Исторический очерк) // Щусев А.В. Проект восстановления города Истры. М., 1946, с. 27-32.
7. Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // АН. М., 1969. Вып.18, с. 30-44.
8. Горячева М.Ю. Отходная пустынь патриарха Никона: Материалы исследований // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002, с. 23-36.
9. Зеленская Г.М. Патриарх Никон — зодчий Святой Руси. М., 2011.
10. Баранова С.И., Беляев Л.А., Бусева-Давыдова И.Л. и др. Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009-2015 годов. М., 2016.
11. Романенко А.И. Один из этапов строительства патриарших палат (по письменным источникам) // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1976. Вып. II, с. 109-115.
12. Вдовиченко М.В. Архитектура больших соборов XVII века. М., 2009.
13. Кольцова Т.М. Новые данные о строительной истории Крестного (Онежского) монастыря в XVII–XIX вв. (по письменным источникам) // Памятники архитектуры Русского Севера. Сборник статей / Составитель и отв. ред. Л.Д. Попова. Архангельск, 1998, с. 266-297.
14. Шушерин И.К. Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона патриарха Московского и Всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным (с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя древнейшими списками) : издание Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. М., 1871.
15. Леонид (Кавелин), архим. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582-1706). СПб., 1878.
16. Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима М., 2002.
17. Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность: Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006.
18. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007.
19. Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664-1665: Дневник / Пер. со староголл. В.Г. Трисман. СПб., 1996.
20. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев-Посад, 1912. Т.2.
21. Виноградова И.К., Губаревич О.К. Материалы проф. В.И. Троицкого «К истории зодчества на Истре». Машинопись. М., ЦНРМ Академии строительства и архитектуры СССР, 1957-1958 // Бугаева Т.В. Ново-Иерусалимский монастырь. Историко-архивные исследования. Машинопись. М., трест «Мособлстройреставрация», 1978. Т.5.
22. Историческое исследование дела патриарха Никона. Составил по официальным документам Н. Гиббенет. СПб., 1882. Ч.1.
23. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.
24. Историческое исследование дела патриарха Никона. Составил по официальным документам Н. Гиббенет. СПб., 1884. Ч.2.
25. Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003.

26. Леонид (Кавелин). Месяцеслов Воскресенского, именуемого Новый Иерусалим, монастыря для посетителей и богомольцев сей св. обители / сост. А.Л. 3-е изд. М., 1880.
27. Зеленская Г.М. Новый Иерусалим. Путеводитель. М., 2003.
28. Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII в. // Русское летописание [сборник трудов М.Н. Тихомирова]. М., 1979, с. 273-323.
29. Белокуров С.А. Арсений Суханов: исследование Сергея Белокурова: часть первая: биография Арсения Суханова (с 3-мя фототипич. снимками). М., 1891.
30. Брунов Н.И. Модель Иерусалимского храма, привезенная в XVII в. в Россию // Сообщения Российского Палестинского общества. М., 1926. Т. XXIX, с. 139-148.
31. Тиц А.А. Загадки древнерусского чертежа. М., 1978.
32. Баталов А.Л., Вятчина Т.Н. Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVI–XVII веков // Архитектурное наследство. М., 1988. Вып.36, с.22-42.
33. Лаврентьев А.В. Об одном из источников Новгородской Забелинской летописи // Летописи и хроники. Сб. статей 1984 г. М., 1984, с. 121-130.
34. Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века: очерки исторической мысли «переходного времени». Изд. 2-е, испр. и доп. М. – Берлин, 2019.
35. Маркузон В.Ф. Архитектура Рима первой четверти XVI в. // Всеобщая история архитектуры. М., 1967. Т.5: Архитектура Западной Европы: XV–XVI века, с. 162-203.
36. Маркузон В.Ф. Архитектура Рима 1520-1580 гг. // Всеобщая история архитектуры. М., 1967. Т.5: Архитектура Западной Европы: XV–XVI века, с. 204-238.
37. Brandenburg H., Ballardini A., Thoenes Chr. Der Petersdom in Rom. Die Baugeschichte von der Antike bis heute. Petersberg, 2015.
38. Бугаева Т.В., Гришин В.П., Тепфер Л.Э., Чернышев М.Б. Работы И.Ф. Мичурина по восстановлению Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Архитектурное наследство. М., 1988. Вып.35, с. 28-33.
39. Стахин В.Г. Графические материалы по истории строительства, ремонта и реставрации Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М. – СПб., 2013. Вып.6, с. 15-28.
40. Акинин К.В. Копия с плана первого яруса Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря архитектора И.Ф. Мичурина. Часть 1 // Ползуновский альманах. 2017. №4. Т.1. Ч.2, с. 105-128.